

УДК 811.161.1

Лекант П.А.

Московский государственный областной университет

**ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ
В ПОЭМЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»**

P. Lekant

Moscow State Regional University

**FIGURATIVE MEANS OF EXPRESSION AND EMOTIONALITY
IN THE POEM BY MIKHAIL LERMONTOV «THE DEMON»**

Аннотация. В статье анализируются образные средства экспрессии и эмоциональности на примере поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон». Доказано, что образные средства поэмы представляют образец ораторского стиля Лермонтова и группируются вокруг концептов добро – зло, любовь – ненависть, бог – дьявол (демон), познание – сомнение, вечность – мгновение; ораторский стиль подкрепляется, усиливается такими стилистическими фигурами, как анафора, эпифора. В лексике поэмы значительное место занимают антонимы. Сравнения, метафоры яркие, точные. Стиль поэмы лаконичен, афористичен. В результате проведённого анализа представлена гармоничная система отшлифованных образных средств поэмы.

Ключевые слова: экспрессия, эмоциональность, ораторский стиль, афористичность, образ времени

Abstract. Figurative means of a poem represent an illustration of the Lermontov's oratorical style. They are grouped around the concepts of good - evil, love - hate, God - the devil (demon), knowledge - doubt, eternity - a moment. In the lexicon of the poem antonyms occupy a significant place. Comparisons, metaphors are vivid and precise. The style of the poem is laconic and aphoristic.

Key words: expression, emotion, oratorical style, aphoristic, the image of the time.

Поэма «Демон», безусловно, вершина поэтического мастерства М.Ю. Лермонтова. Другую вершину, если уподобить его творчество «Машуку двуглавному», представляет, конечно, «Герой нашего времени». В языке и стиле этих великих произведений, без сомнения, есть общие, «узнаваемые», черты, но по крупному масштабу, по категориальной сущности, они различны, можно сказать, противоположны: в «Герое нашего времени» господствует **рациональное**, в «Демоне» величествует **эмоциональное** [5, с. 45, 47]. «Лермонтов придаёт лирическому стилю необыкновенную эмоциональную силу и ораторское напряжение, превращая лирику в патетическую исповедь» [2, с. 44]. Этот вывод В.В. Виноградов иллюстрирует текстом «Демона»:

*Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы...*

Эмоциональность многогранна, многоцветна. В «Демоне» представлены и нежность, любованье, и презрение, и ненависть. Поэт представляет разные краски, оттенки предельно

© Лекант П. А., 2013.

лаконично, порой одним – двумя эпитетами, например: *И дик и чуден был вокруг Весь божий мир; но гордый дух Презрительным окинул оком Творенье бога своего, И на челе его высоком не отразилось ничего.* // Прикованный незримой силой, Он с новой грустью стал знаком; В нём чувство вдруг заговорило Родным когда-то языком. // Привычке сладостной послушный В обитель Демон прилетел, Но долго, долго он не смел Святыню мирного приюта Нарушить. // Он слов коварных искушенья Найти в уме своём не мог. // И часто тайное сомненье Темнило светлые черты. // Что жизни мелочные сны, И стон и слёзы бедной девы Для гостя райской стороны?

В поэме предельно остро противопоставлены земные, добрые, человеческие, христианские чувства Тамары и полные гордыни, переменчивые – то добрые, то злые, коварные, поистине демонические – чувства, страсти «лукавого» Демона.

Лермонтов находит для описания чувств Тамары, невесты безмятежной, затем – потерявшей жениха, наконец, монахини, точные, выразительные образные средства – метафоры, сравнения, эпитеты: *И улыбается она, Веселья детского полна. Но луч луны, во влаге зыбкой Слегка играющий порой, Едва ль сравнится с той улыбкой, Как жизнь, как молодость, живой.* // *Невыразимое смятенье В её груди; печаль, испуг, Восторга пыл – ничто в сравненье. Все чувства в ней кипели вдруг; Душа рвала свои оковы...* Страстное чувство Тамары только ещё определил, обрисовал «сон желанный»: кто он, «пришлец туманный и немой»? *То не был ангел небожитель, Её божественный хранитель. Венец из радужных лучей Не украшал его кудрей. То не был ада дух ужасный, Порочный мученик – о нет! Он был похож на вечер ясный: Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!* В этом слитке образных средств вряд ли стоит искать прямое религиозное поучение или назидание [ср.: 3, с. 97]. Здесь прежде всего неясный, противоречивый первый «портрет» Демона для Тамары.

Последующий путь отношений Тамары и «Пришлеца» (она не знает, что это Демон!) –

это борьба «всегдашняя» чувства и чести, искушения и покаяния. *Перед божественной иконой Она в безумьи упадёт И плачет.* // Святым захочет ли молиться – А сердце молится ему.

По мнению В.В. Виноградова, «В ораторском стиле речи обострённая сила эмоционального воздействия, стремительный поток внушительных образов нередко разрушает логическую ясность метафор и сравнений» [1, с. 308]; см., напр.: *Немой души его пустыню Наполнил благодатный звук – и вновь постигнул он святыню Любви, добра и красоты!* – скажем, однако, что любовь, добро, красота – это благой порыв в Демоне, – *Хочу я с небом примириться.*

Виноградов не иллюстрирует своё заключение текстами, но мы предположим, что в поэме они есть. Обратимся к одному из них: *И перед ним иной картины Красы живые расцвели: Роскошной Грузии долины Ковром раскинулись вдали; Счастливый, пышный край земли! <...> И блеск, и жизнь, и шум листов, Стозвучный говор голосов, Дыханье тысячи растений! И полдня сладострастный зной, И ароматною росой Всегда увлажненные ночи, И звёзды, яркие, как очи, Как взор грузинки молодой!..* «Стремительный поток внушительных образов» здесь налицо, а сравнение ярких звёзд с глазами грузинки молодой логически не очень «стройно». Не будем гадать, поверим мудрому, опытному В.В. Виноградову, но это сравнение изящно, великолепно.

Конечно, ораторский стиль многократно и внушительно звучит в поэме, он подкрепляется, усиливается такими стилистическими фигурами, как анафора, эпифора, особенно в монологах Демона; напр.: *Клянусь я первым днём творенья, Клянусь его последним днём, Клянусь позором преступления и вечной правды торжеством.* // *Хочу я с небом примириться, Хочу любить, Хочу молиться, Хочу я веровать добру... // Кто устоит против разлуки, Соблазна новой красоты, Против усталости и скуки, И своенравия мечты?* «В стиле Лермонтова афористическая сжатость и острота языка достигает высшей

степени» [2, с. 62]. Многие афористические высказывания облечены в риторическую форму; напр.: [Демон] *Что без тебя мне эта вечность? Моих владений бесконечность? Пустые звучные слова, Обширный храм – без божества!* [Тамара] *Ужель ни клятв, ни обещаний Ненарушимых больше нет?..*

Фундаментальное понятие **ораторского стиля** поэзии М.Ю. Лермонтова, установленное Виноградовым и отмечаемое другими исследователями [8, с. 10; 6, с. 20], не определяет, не охватывает всего необозримого разнообразия языка поэмы «Демон»: поэтических размеров, символов, языковых метафор и сравнений, антонимических пар, наконец, ритмомелодии. По мнению Д.Н. Шмелёва, «ораторский пафос сочетается, а иногда чередуется с плавностью ритмико-интонационного движения стиха» [8, с. 10]. Таких «чередований» в поэме немало; см. картину танца Тамары, её уединения в монастыре, описание самого монастыря, но особенно в «волшебном голосе» (Демона), напевное, утешительное, доброжелательное «На воздушном океане...».

Л.А. Новиков добавляет к ораторскому лермонтовскому стилю форму «декламационного стиха», полагаем, идеального для декламации (не обязательно «на публику»). Например:

*И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожидания,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье,
Спознались с гордою душой.*

Упомянутые выше общеязыковые образные средства и частные стилистические приёмы не стоит непременно и напрямую связывать с ораторским стилем, тем более что их выбор, размещение, взаимосвязь мотивируются идейно-смысловой структурой поэмы. Оппозиция, противоположность, противостояние, борьба – генеральный смысл поэмы, для представления, изображения и по-

нимания которого использованы автором языковые единицы всех уровней. Лермонтов не оставляет никаких сомнений, что Бог, божественное, небесное вечны и непобедимы. «Враг небес», «зло природы» Демон побеждён: *И проклял Демон побежденный Мечты безумные свои, И вновь остался он, надменный, Один, как прежде, во вселенной Без упования и любви!..*

На фоне этой главной битвы сражаются добро и зло, любовь и ненависть; действия, поступки **оцениваются** положительно или отрицательно (*ненависти яд*). Главный участник этой борьбы – Демон: с ним или в нём самом.

При описании языка поэмы, художественного образа Демона обращают внимание на различные его именованья. Сам по себе их перечень выразителен, но важно понять их мотивирование. Во-первых, в них повторяется слово *дух* (начиная с первых строк текста), которое как бы предупреждает: **не человек земной!** Все эпитеты изречаются разными «авторами» и содержат соответствующее отношение, мотив: *дух изгнания (изгнанник рая)*; [ангел] *дух беспокойный, дух порочный; ему в ответ Злой дух коварно усмехнулся*; [Тамара] *Оставь меня, о дух лукавый! Молчи, не верю я врачу; // Могучий взор смотрел ей в очи! Он жёг её. Во мраке ночи Над нею прямо он сверкал, Неотразимый, как кинжал. Увы! Злой дух торжествовал.* После смерти Тамары её душу грешную нёс ангел – как вдруг *Свободный путь пересекая, Взвился из бездны адский дух.*

Нелегко понять и определить отношение к Демону самого Лермонтова (глубоко верующего человека). Он создал противоречивый образ «изгнанника рая», могучего, страстного, безбоязненного, адски злого и – любящего. Тонкая нить нерешительного сочувствия Демону тянется с первых слов поэмы: *печальный Демон*. Печаль не радость, но и к отрицательным эмоциям не принадлежит. Печаль трогает сердце Тамары: *Недаром сны её ласкали, Недаром он являлся ей С глазами, полными печали, И чудной неж-*

ностью речей. Сам Демон называет печаль среди своих непризнанных мучений. *Моя ж печаль бессменно тут, И ей конца, как мне, не будет, И не вздремнуть в могиле ей! Она то ластится, как змей, То жжёт и плещет, будто пламень, То давит грудь мою, как камень – Надежд погибших и страстей несокрушимый мавзолей!..* (выделены сравнения, скоординированные с глаголами). Для Демона печаль – тяжёлые воспоминания о «счастливом первенце творенья».

Воспоминания о прошлом (не только счастливом) преследуют Демона. *Во след за веком век бежал, как за минутой, минута – вечность как наказание.* Неумолимый, однообразный бег времени отмечен в поэме ритмичным употреблением форм прошедшего времени несовершенного вида, появлением оттенка постоянства [ср. 7, с. 20]; в длинном ряду этих форм метафорическая блуждал получает особую силу экспрессии: *Давно отверженный блуждал В пустыне мира без приюта.* Выразительный потенциал глагольных форм характеризует поэтический язык Лермонтова [4, с. 17]. В «Демоне» многозначительная цепь глагольных форм несовершенного вида решительно обрывается формой совершенного вида: *И зло наскучило ему.*

Живая, реальная картина роскошной Грузии нуждалась в других средствах, в другой манере, и поэт легко перешёл к ним: ряд номинативных предложений – яркие «мазки» наглядного мира в **настоящем расширенном времени**: *Счастливый, пышный край земли! <...>И блеск, и жизнь, и шум лесов, Стозвучный говор голосов, Дыханье тысячи растений!*

Образ времени в «Демоне» объединяет концепт **Время** (охватывающий, конечно, вечность) и грамматическую категорию времени, включая **вневременность** инфинитива.

Для Демона вечность как наказание умножается на **одиночество**: *О! если б ты могла понять, Какое горькое томленье **Всю жизнь, века без разделенья** И наслаждаться и страдать, За зло похвал не ожидать, Ни за добро*

вознагражденья; Жить для себя, скучать собой... <...> Всегда жалеть и не желать, Всё знать, всё чувствовать, всё видеть, Стараться всё возненавидеть и всё на свете презирать!..

Это чистейший образец ораторского стиля. Вместе с тем данный фрагмент демонстрирует «мотив одиночества, столь свойственный лермонтовской поэзии» [9, с. 115]. В «Демоне» это не «мотив», это образ существования главного персонажа *всю жизнь, века.* Он побеждён, он один, как прежде, во вселенной. *Божие проклятие исполнилось.*

Образные средства поэмы, точные, яркие, отшлифованные, представляют гармоничную систему. По Виноградову, в ораторском стиле Лермонтова «главная экспрессивная роль поручена эпитетам» [1, с. 307].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. – М.: Высшая школа, 1982. – 529 с.
2. Виноградов В.В. Язык Лермонтова // Русский язык в школе. – 1938. – № 3. – С. 35–63.
3. Киселёва И.А. Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. – М., 2011. – С. 312.
4. Копорский С.А. Опыт стилистического толкования стихотворения М.Ю. Лермонтова «Утёс» // – Русский язык в школе. – 1966. – № 2. – С. 15–22.
5. Лекант П.А. Категория рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2012. – № 5. – С. 44 – 48.
6. Новиков Л.А. Лингвистическое толкование стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта» // Русский язык в школе. – 1963. – № 6. – С. 19 – 25.
7. Шаповалова Т.Е. От временной обобщённости к вневременности. // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2013. – № 4. – С. 18 –21.
8. Шмелёв Д.Н. О поэтическом языке Лермонтова // Русский язык в национальной школе. – 1964. – № 6. – С. 6 – 12.
9. Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. «Сосна» Лермонтова // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 97 – 109.